

ОПЕРАТИВНЫЙ МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

№ 7(25) Апрель 2016 г.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ	3
1. ИНФЛЯЦИЯ: ПРЕДЕЛЫ ЗАМЕДЛЕНИЯ (А.Божечкова, Е.Горюнов, П.Трунин)	5
2. СПРОС НА ИНОСТРАННЫЕ АКТИВЫ ПАДАЕТ, ВАЛЮТНЫЕ СЧЕТА В БАНКАХ СТАБИЛЬНЫ (М.Хромов).....	8
3. РЕГИОНЫ: КУРС НА СОКРАЩЕНИЕ РАСХОДОВ (А.Дерюгин).....	10
4. РОССИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В I КВАРТАЛЕ 2016 Г.: НАЧАЛО СТАГНАЦИИ? (А.Каукин, Г.Идрисов)	14
5. ПРЕДПРИЯТИЯ СОХРАНЯЮТ ВЫСОКУЮ АДАПТИВНОСТЬ (С.Цухло).....	19
АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА.....	23

Мониторинг подготовлен коллективом экспертов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Института Гайдара), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) и Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) Минэкономразвития России.

Редколлегия: Дробышевский С.М., Кадочников П.А., Мау В.А., Синельников-Мурылев С.Г.

Редакторы: Гуревич В.С., Колесников А.В.



Оперативный мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2016. № 7 (25). Апрель / Божечкова А., Горюнов Е., Дерюгин А., Идрисов Г., Каукин А., Трунин П., Хромов М., Цухло С. Под ред. Гуревича В.С., Дробышевского С.М., Кадочникова П.А., Колесникова А.В., Мау В.А., Синельникова-Мурылева С.Г.; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Всероссийская академия внешней торговли. 23 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2016_7-25_april.pdf

При частичном или полном использовании материалов ссылка на источник обязательна

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ

Спокойный макроэкономический пейзаж, не испорченный даже неудачными переговорами нефтеэкспортеров в Дохе, дает повод сформулировать два варианта прогноза. Либо цифры, уже третий месяц поставляемые Росстатом, ЦБ и мировыми биржами, будучи вполне достоверными, все-таки слишком хороши – too good to be true, – и просто убаюкивают перед очередной встряской, либо Россия действительно миновала период самых сильных шоков. И в этом случае тема «бесконечных катастроф» будет вытесняться все более популярной темой «вечной стагнации».

Конкретизация мер, способных преодолеть эту надвигающуюся перспективу полного покоя, очевидным образом отложена «на период после 2018 года». Что не исключает предварительного выдвижения радикальных инициатив преимущественно фискального характера. К ним относится и свежий план пенсионной реформы в исполнении Минфина, предполагающий (вместе с повышением пенсионного возраста) серьезное сокращение социальных обязательств, увеличение налоговой нагрузки и ликвидацию существующей накопительной системы и ее замену на слегка стимулируемую добровольную.

Идея значительного снижения расходных обязательств бюджета понятна и не нова. Но мало кому понятно, что будет происходить с доходами бюджета, предполагается ли вообще их рост, обеспечиваемый ростом самой экономики. Формула «нехватка доходов компенсируется снижением расходов» является классической, но ее просторечный вариант «сколько недобрали, столько и недодадим» провоцирует столь же простой вопрос: когда и как собираемся добрать. Длительное отсутствие ответа, собственно, и означает стагнацию.

Внимания заслуживает и другое недавнее предложение. В базовом варианте макропрогноза на 2017–2019 гг., утвержденного правительством, предлагается исходить из цены нефти 40 долл./барр. неизменно в течение этих трех лет. Рискнем утверждать, что это равно микрореволюции в официальном прогнозировании.

Хотя сам прогноз – динамика ВВП, инвестиций, доходов – тут же подвергся критике как «инерционный» (вариант: «нереализуемый»), возможно, и заслуженной, но никогда еще в его нефтяное основание не закладывались такие консервативные цифры. Причем, во-первых, речь идет именно о базовом прогнозе. Во-вторых, он покрывает трехлетний период, в то время как все известные прогнозы исходят из таких низких цифр на весь этот срок. И, в-третьих, что является, вероятно, самым важным: сознательно и демонстративно цена на все три года оставлена неизменной. То есть она как бы выносится за скобки. Что теоретически ставит предел бесконечным попыткам угадать непрогнозируемое, упрекать за неугаданное, надеяться на невозможное и спекулировать на собственной неэффективности.

Если отвлечься от более отдаленных перспектив, то первые месяцы 2016 г. демонстрируют относительно позитивные макроэкономические тренды. Так, инфляция весь I кв. последовательно замедлялась, причем быстрее ожидаемого. Что даже дало поводы некоторым наблюдателям проявить беспокойство по поводу проблем, с которыми Россия может столкнуться при наступлении дефляции. Правда, наши эксперты, анализируя процессы дефляции, наблюдавшиеся в разных странах мира, приходят к выводу, что необходимые для этого условия в России отсутствуют. Единственной страной, в которой дефляция возникала в условиях аналогичных российских, они считают Чили (2008–2009 гг.). Однако один важнейший фактор – динамика денежной массы – не совпадает, поскольку в России она растет. Сжатие денежного предложения возможно лишь в том случае, если Банк России будет чрезмерно долго сохранять высокие ставки, не понижая их вслед за понижением цен.

Между тем и денежное предложение не сокращается, а растет (за счет использования средств Резервного фонда), и инфляция, судя по предварительным дан-

ным за апрель, перестает снижаться. Достаточно высокими остаются и инфляционные ожидания. В такой ситуации опасения по поводу дефляции носят, скорее, отвлеченный характер.

Явно ушли на второй план и опасения, возникавшие в связи с высокой волатильностью валютного рынка. В I кв. юридические лица продолжали сокращать спрос на активы в иностранной валюте, а физические лица – и их абсолютный размер. Если в прошлом году население стало постепенно «сбрасывать» свою наличную валюту, то в этом – сокращать и валютные депозиты. Правда, чисто статистически доля средств на валютных счетах предприятий и населения продолжала расти в I кв., поскольку это определялось курсом рубля (но не поведением держателей средств).

В любом случае валютная паника и обменный курс уже не рассматриваются как самая актуальная угроза. Гораздо больше проблем связано сегодня с состоянием бюджетов, в том числе региональных. Тем не менее совокупный дефицит бюджетов субъектов РФ не выглядит угрожающим. В минувшем году он даже сократился до 0,2% ВВП (соответственно с 0,9 и 0,6% в 2013 и 2014 гг.). Но, во-первых, это картина «в целом», во-вторых, это стало следствием не улучшения, а как раз ухудшения финансового положения регионов, которые отвечают на ситуацию в первую очередь резким снижением расходов.

По итогам 2016 г. можно ожидать дальнейшего сокращения реальных расходов и доходов региональных бюджетов. Происходивший в 2015 г. и в первые месяцы 2016 г. рост поступлений НДФЛ (обеспечивает более четверти всех доходов регионов) может продолжиться, возрастут также темпы роста бюджетных трансфертов. А вот темпы роста поступлений по налогу на прибыль, достаточно высокие в прошлом году, теперь стали падать. Вполне возможно, это свидетельствует о снижении прибыльности предприятий и в целом за 2016 г., в то время как в 2015 г. она достигала высокого уровня. Теперь ни инфляция, ни девальвация уже не смогут обеспечивать прежнюю рентабельность.

В I кв. производство в большинстве отраслей реального сектора демонстрировало рост, хотя и незначительный. За исключением некоторых отраслей серьезного спада не наблюдается. Промышленный рост обеспечивался прежде всего подъемом в добывающем сегменте. В обрабатывающем секторе росли производство продукции массового спроса (пищевые продукты, одежда, обувь), металлургия, производство машин и оборудования (восстановительный рост после глубокого спада). Судя по всему, спад потребительского спроса на отечественную продукцию остановился, что может стать предпосылкой для стабилизации и даже роста производства.

Однако попытки стимулировать производство за счет спроса, считают эксперты, могут принести эффект лишь в краткосрочной перспективе. Главным является решение проблем со стороны предложения (конкурентоспособность продукции, технологии, квалификация кадров, источники финансирования, административные барьеры и т.д.). Это принципиально важно, поскольку анализ динамики в наиболее важных сегментах реального сектора свидетельствует: после исчерпания факторов, еще благоприятствующих производству, экономика вступит в фазу нулевого роста.

Пока же, судя по опросам, проводимым экспертами ИЭП, российские предприятия продолжают демонстрировать довольно высокую способность адаптироваться к нынешней ситуации. Об этом свидетельствуют так называемый «индекс нормальности» за I кв. 2016 г. (отражает оценку предприятиями условий и показателей своей деятельности). При этом разные отрасли демонстрируют иногда принципиально разную оценку того, как им удастся войти в «новую реальность». Если в пищевой промышленности показатели едва ли не наивысшие за время наблюдений, то легкая промышленность находится на прямо противоположном полюсе. А вот машиностроение после почти панических настроений годовой давности ощущает себя намного лучше, чем можно себе представить: 87% предприятий отрасли оценивают сейчас свое финансово-экономическое положение как нормальное. Так было в благополучном 2007 г. Либо, как гипотеза, с тех пор сильно изменились представления о «нормальности».

1. ИНФЛЯЦИЯ: ПРЕДЕЛЫ ЗАМЕДЛЕНИЯ

А.Божечкова, Е.Горюнов, П.Трунин

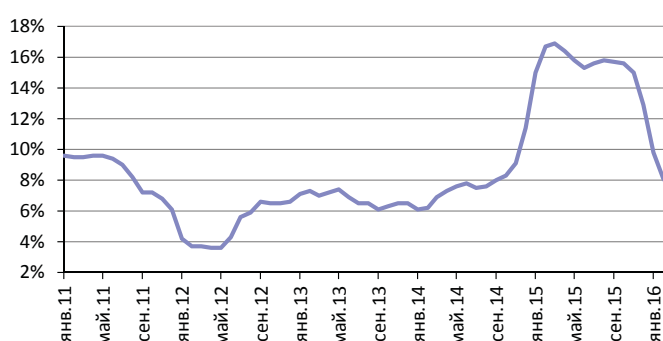
В I кв. 2016 г. наблюдалось замедление инфляции – как в месячном выражении, так и накопленной за 12 месяцев, что обусловлено продолжающимся падением внутреннего спроса при укреплении рубля, а также высокой базой предыдущего года. При этом инфляционные ожидания все еще остаются высокими, что будет препятствовать снижению темпа роста цен в среднесрочной перспективе.

В I кв. 2016 г. инфляция замедлялась с 1% по итогам января до 0,6% в феврале и 0,5% в марте. Темп прироста потребительских цен в годовом выражении (по отношению к аналогичному периоду 2015 г.) снизился с 9,8% в январе до 7,3% в марте 2016 г. (рис. 1). Быстрое замедление годового роста потребительских цен во многом обусловлено эффектом высокой базы. Сокращение темпов роста потребительских цен в российской экономике, в первую очередь, обусловлено сокращением внутреннего спроса и соответственно стремлением компаний минимизировать издержки. Так, отрицательные темпы прироста индекса цен производителей наблюдаются с ноября 2015 г., а в январе и феврале 2016 г. они достигли -1,3% и -1,5% соответственно.

В январе-марте темпы прироста цен на продовольственные товары замедлялись с 1,3% в январе до 0,7% в феврале и 0,3% в марте. Лидерами удешевления оказались плодоовощная продукция, яйца и сахар. Отметим, что снижение инфляции для данной товарной группы обусловлено преимущественно укреплением рубля в феврале-марте 2016 г. С октября 2015 г. наблюдается дефляция в группе товаров «мясо и птица», что связано с падением спроса на мясо и переориентацией потребителя на более дешевую курятину.

В январе-марте 2016 г. темпы прироста цен на непродовольственные товары оставались относительно высокими, увеличившись до 0,8% в марте 2016 г. Тем не менее, вслед за укреплением рубля, существенно снизились темпы прироста цен на наиболее чувствительные к курсовой динамике товары, включая электротовары и другие бытовые приборы, теле- и радиотовары, а также медикаменты.

В январе-марте 2016 г. темпы роста цен и тарифов на платные услуги населению снижались практически для всех категорий услуг: с 1 до 0,3% в феврале и 0,1% в марте. Наибольший вклад в сокращение этого показателя в связи с укреплением рубля внесла динамика цен на услуги зарубежного туризма (-2,7% в марте 2016 г.).



Источник: Росстат.

Рис. 1. Темп прироста ИПЦ в 2011–2016 гг. (% за 12 предшествующих месяцев)

В апреле замедление инфляции практически прекратилось: за 18 дней апреля темп прироста индекса потребительских цен достиг 0,4%. При этом в апреле 2015 г. ИПЦ составлял 0,5%. Иными словами, с апреля замедление инфляции в годовом выражении может прекратиться.

По оценкам, публикуемым ЦБ РФ, в марте 2016 г. медианное значение ожидаемой инфляции на ближайшие 12 месяцев составило 14,7%, снизившись на 1 п.п. по сравнению с февралем. Пиковых значений ожидаемая инфляция достигла в январе (16,7%). Однако уровень инфляционных ожиданий все еще остается достаточно высоким.

Наблюдая замедление темпов роста цен в РФ начале 2016 г., некоторые эксперты высказали предположение о возможности дефляции. В частности, по мнению аналитика Дэвида Хонера из Bank of America¹, в долгосрочной перспективе в России есть видимая угроза попадания в дефляционную ловушку, а способствовать этому будет сокращение расходов бюджета, профицит счета текущих операций и продолжающееся укрепление рубля. Социологи также отмечают изменение потребительского поведения населения², которое в сложных макроэкономических условиях стремится ограничивать траты. Все перечисленные факторы действительно сдерживают потребительский спрос и рост цен на импортные товары, т.е. способствуют замедлению темпов инфляции.

Отметим, что дефляция не является таким уж экзотическим явлением. Она имело место как в развитых странах (Япония в 1993–2015 гг., Ирландия в 2010–2011 гг.), так и в формирующихся экономиках (Китай в 1998–1999 гг., Литва в 2002–2003 гг.). Причины падения цен различны, но можно выявить два типа дефляции. Дефляция первого типа происходит в развитых экономиках в условиях крайне слабого совокупного спроса, сократившегося после краха перегретых финансовых рынков. При этом может возникнуть дефляционная спираль: снижение цен ведет к росту безработицы, что вызывает новое падение совокупного спроса и оказывает дополнительное понижательное давление на цены. Классическим примером дефляционного кризиса такого типа является Япония: начиная с середины 1990-х эта страна не может окончательно выйти из дефляционной ловушки. В российской экономике условия для возникновения подобной дефляции отсутствуют. Второй тип дефляции характерен для формирующихся рынков с режимами фиксированного обменного курса. В таких странах денежное предложение и инфляционные процессы оказываются крайне зависимыми от потоков капитала и торгового баланса. Отток капитала и сокращение чистого экспорта при поддержании фиксированного курса приводят к сжатию денежного предложения и падению цен (Аргентина середины 1990-х). Поскольку обменный курс рубля в настоящее время приближен к плавающему, возникновение дефляции подобного типа также маловероятно.

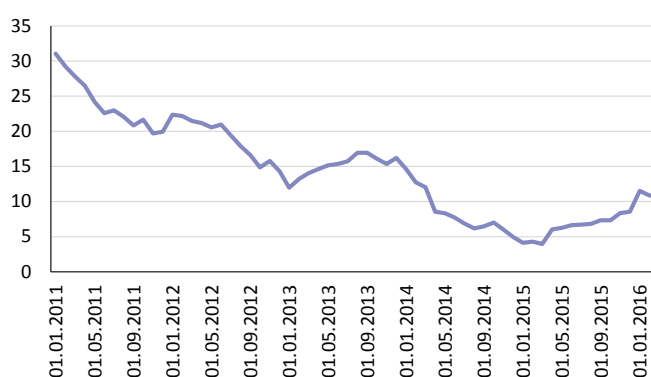
Для российских условий интерес представляет дефляция в Чили, произошедшая в сходных с РФ макроэкономических условиях. Падение ИПЦ в Чили в 2009 г. составило 1,5%. Этот эпизод отличает то, что, во-первых, ЦБ Чили придерживался инфляционного таргетирования при плавающем обменном курсе, во-вторых, в 2008–2009 гг. произошло су-

1 <http://tass.ru/ekonomika/2727282>

2 <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/03/21/634351-naselenie-depressiyu>; <http://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

щественное падение цен на товары сырьевого экспорта, составляющего около 50% от общего экспорта Чили, и, в-третьих, в этот период приток капитала сменился его оттоком. В этих условиях произошли сокращение сальдо торгового баланса Чили, девальвация национальной валюты и падение ВВП. Стремясь сдержать падение обменного курса и инфляцию, ЦБ Чили во второй половине 2008 г. повысил ставки до 8,25%, после чего национальная валюта начала укрепляться. По мере быстрого торможения инфляции и охлаждения экономической активности в 2009 г. денежные власти последовательно снижали ставку и к началу 2010 г. она составляла 0,5%, при этом денежная масса сократилась на 5%. Этот пример показывает, что дефляция в условиях близких к российским в принципе возможна, а ее вероятной причиной может стать быстрое сокращение спроса при сохранении жесткой денежной политики.

Однако в России темпы роста денежной массы с начала 2010 г. не опускались ниже 4% и сейчас составляют около 10% (рис. 2). Как показывает международный опыт, сам по себе рост денежной массы не гарантирует положительную инфляцию, поскольку дефляция вполне может сопровождаться ростом денежного предложения (Аргентина 1999–2000 гг., Израиль, Болгария в 2013–2014 гг., Вьетнам 1996–2000 гг.). Тем не менее обычно дефляция следовала за резким падением наращивания денежного предложения, поэтому если темп роста M2 сохранится на текущем уровне, дефляция маловероятна. Сжатие денежного предложения возможно только в том случае, если Банк России будет чрезмерно долго сохранять высокие ставки, не понижая их вслед за замедлением роста цен. ●



Источник: Банк России.

Рис. 2. Прирост сезонно скорректированного ряда денежной массы (% к соответствующему периоду предыдущего года)

2. СПРОС НА ИНОСТРАННЫЕ АКТИВЫ ПАДАЕТ, ВАЛЮТНЫЕ СЧЕТА В БАНКАХ СТАБИЛЬНЫ

М.Хромов

В 2015 г. заметно уменьшился спрос экономических агентов на активы в иностранной валюте. И для населения, и для организаций это означало снижение инвестиций в иностранные активы (для граждан – накоплений в наличной иностранной валюте) при относительно стабильных (для организаций) и растущих (для населения) валютных счетах в российских банках.

Спрос российских резидентов на активы в иностранной валюте¹ сокращается с 2014 г. По итогам 2014 г. суммарное увеличение таких активов составило 118 млрд долл., в том числе на 25 млрд долл. выросли валютные активы физических лиц, и на 93 – некредитных организаций. В 2015 г. суммарное увеличение активов в иностранной валюте составило 43 млрд долл., т.е. этот показатель сократился по сравнению с предыдущим годом почти в 3 раза. При этом население даже сократило запас наличной валюты на 3 млрд долл. Активы юридических лиц выросли на 46 млрд долл., что в два раза меньше, чем годом ранее.

В I кв. 2016 г. эта тенденция в целом сохранилась. Физические лица сократили свои суммарные активы в иностранной валюте на 3 млрд долл. (в I кв. 2015 г. на 4 млрд долл.). Организации же продолжали сокращать спрос на активы в иностранной валюте – до 14 млрд долл. по сравнению с 23 млрд долл. годом ранее.

В результате по итогам I кв. 2016 г., по нашим оценкам, спрос на активы в иностранной валюте снизился до 36 млрд долл. в годовом выражении (скользящее за 4 квартала). Это даже ниже уровня 2010 г., когда минимальные значения этого показателя опускались до 43 млрд долл. Однако механизм этого снижения сейчас отличается от периода 2010 г. Тогда снижение спроса на иностранные активы было реакцией на избыточную долларизацию в конце 2008 г. – начале 2009 г. в процессе так называемой «плавной» девальвации. Одновременно шел рост рублевой денежной массы, свидетельствующий о снижении долларизации в российской экономике. Однако сейчас рублевая денежная масса выросла не столь значительно. Снижение же спроса на активы в иностран-

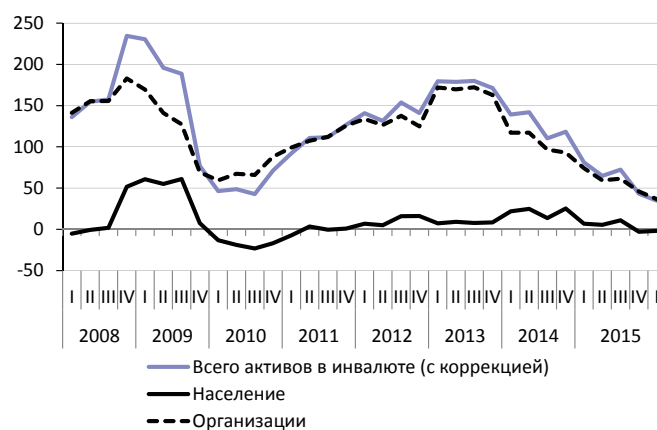


Рис. 1. Спрос на активы в иностранной валюте, за 4 квартала, млрд долл.

¹ Прирост счетов в иностранной валюте в российских банках (инвалютные компоненты широкой денежной массы) и чистое увеличение иностранных активов, включая операции с иностранной наличной валютой с российскими банками.

ной валюте связано, на наш взгляд, с политической нестабильностью в отношениях с зарубежными контрагентами, общим сжатием долларового объема российской экономики вследствие значительной девальвации национальной валюты, а также со снижением доходов вследствие ухудшения условий торговли на 14% ВВП (180 млрд долл.) в 2015 г.

Основным направлением сжатия спроса на активы в иностранной валюте выступило именно сокращение иностранных активов. В 2014 г. иностранные активы небанковского сектора (включающего физических лиц и российские некредитные организации) выросли на 105 млрд долл., что в целом соответствует сложившемуся уровню предшествующих лет (2012 г. – 114 млрд долл., 2013 г. без учета операций, связанных с покупкой Роснефти ТНК-ВР, – 94 млрд долл.). В 2015 г. вложения в иностранные активы упали в пять раз – до 21 млрд долл. Динамика вложений в наличную валюту изменилась в 2015 г. на противоположную с прироста в 30 млрд долл. в 2014 г. до сокращения на 10 млрд долл. в 2015 г. В I кв. 2016 г. запасы наличной иностранной валюты практически не изменились. Прочие иностранные активы в 2015 г. выросли лишь на 32 млрд долл. вместо 75 млрд долл. годом ранее. В I кв. 2016 г. снижение спроса на иностранные активы продолжилось, их рост составил лишь 7 млрд долл., что в два раза ниже, чем годом ранее (15 млрд долл.).

Для населения 2015 г. стал началом постепенного избавления от накопленных валютных запасов. Годовой прирост счетов в иностранной валюте (7 млрд долл.) оказался ниже, чем сокращение запаса наличной иностранной валюты. В начале 2016 г. население дополнительно сократило и банковские валютные вклады почти на 3 млрд долл. Тем не менее доля счетов физических лиц в иностранной валюте пока остается достаточно высокой – близкой к 30%.

Если для населения в 2015 г. – начале 2016 г. избавление от наличной иностранной валюты было частично компенсировано приростом валютных счетов в российских банках, то юридические лица сократили как поток вложений в иностранные активы, так и прирост счетов в иностранной валюте в российских банках с 18 млрд долл. в 2014 г. до 14 млрд долл. в 2015 г. В I кв. 2016 г. эта тенденция сохранилась: валютные счета юридических лиц выросли в полтора раза меньше, чем годом ранее – на 6 млрд долл. вместо 9 млрд долл. При этом уровень долларизации в банковских счетах юридических лиц со второй половины 2015 г. находится на максимальных уровнях – выше как пика начала 2009 г., так и конца 2014 г., достигнув в марте 2016 г. 45%. Стоит отметить, что динамика доли счетов в иностранной валюте в общем объеме широкой денежной массы определяется в большей мере динамикой обменного курса рубля, чем операциями держателей средств. По обменному курсу рубля на 01.01.2014 г. уровень долларизации по всем безналичным средствам составил бы на 1.04.2016 лишь 25%, в том числе 16% для средств населения и 26% – для средств организаций. ●

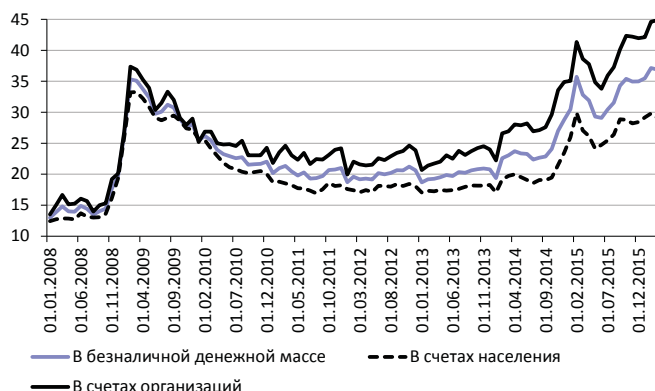


Рис. 2. Доля счетов в иностранной валюте в общем объеме счетов в российских кредитных организациях

3. РЕГИОНЫ: КУРС НА СОКРАЩЕНИЕ РАСХОДОВ

А.Дерюгин

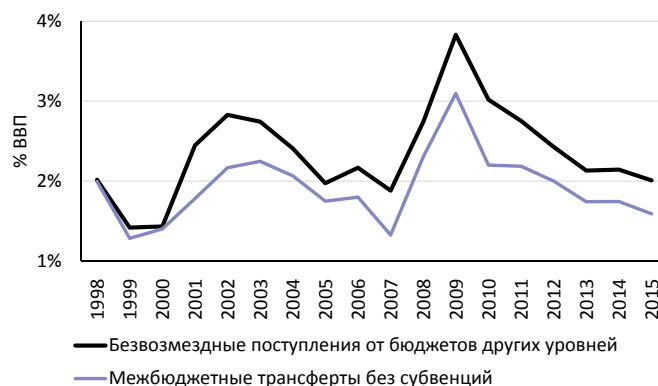
Сокращение дефицита консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в 2015 г. было вызвано не улучшением финансового положения регионов, а уменьшением возможностей заимствования и сокращением финансовой помощи из федерального бюджета. Поэтому де-факто основным приоритетом бюджетной политики многих регионов в текущем и последующих годах будет обеспечение бездефицитного бюджета за счет сокращения бюджетных расходов.

Сокращение в 2015 г. совокупного бюджетного дефицита консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации до 0,2% ВВП с уровня 0,9% и 0,6% ВВП соответственно в 2013 и 2014 гг. дало повод говорить о том, что наиболее сложный с финансовой точки зрения период для регионов остался позади, и в настоящее время они чувствуют себя относительно неплохо. Так ли это?

Не стоит забывать, что регионы не могут бесконечно поддерживать высокий уровень бюджетного дефицита, поскольку у них растет государственный долг. Это приводит к увеличению процентных расходов, которые будут отвлекать все больше бюджетных ресурсов, к проблемам с рефинансированием долга и к нарушению ограничений, установленных Бюджетным кодексом РФ в отношении государственного долга. Так, если до кризиса в 2008 г. отношение государственного долга регионов к налоговым и неналоговым доходам их бюджетов составляло 15,2%, то по итогам 2015 г. оно достигло уже 36,5%.

В соответствии с Бюджетным кодексом указанное соотношение не должно превышать 100%, а для высокодотационных регионов соответствующая планка установлена на уровне 50%. Исключение сделано для бюджетных кредитов, объем которых может быть исключен из указанных ограничений, но лишь до 1 января 2018 г.

Отсутствие в течение длительного времени каких-либо признаков устойчивого улучшения условий торговли, а также ближайших перспектив снятия с России экономических санкций можно предположить, что в регионах приходят к мысли о долгосрочном характере финансовых проблем, а также о том, что сегодняшнее состояние экономики России – это не временный провал, как в 1998 г. и 2009 г., а новый режим ее функционирования. Тем более что, испытывая проблемы с собственным бюджетом, Федерация с 2010 г. сокращает ре-



Источник: рассчитано по данным Федерального казначейства.

Рис. 1. Динамика объема межбюджетных трансфертов регионам от бюджетов других уровней, % ВВП

3. РЕГИОНЫ: КУРС НА СОКРАЩЕНИЕ РАСХОДОВ

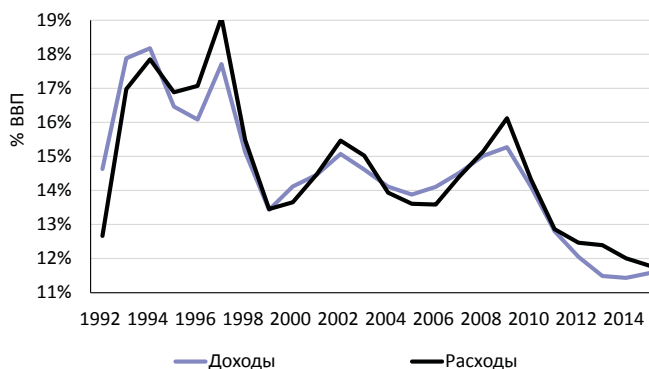
альный объем финансовой помощи регионам (рис. 1).

В таких условиях регионам не оставалось ничего другого кроме сокращения расходов. Так, в 2015 г. расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации впервые с 1992 г. оказались ниже 12% ВВП (11,8% ВВП) (рис. 2).

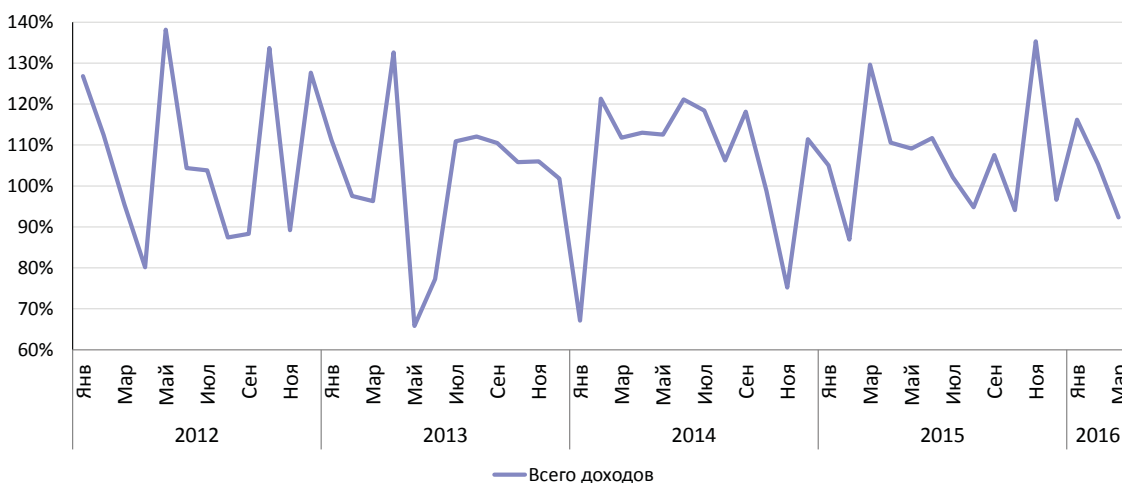
Таким образом, относительно неплохие параметры сбалансированности региональных бюджетов в 2015 г. явились следствием не улучшения, а ухудшения финансового положения регионов и невозможности осуществлять заимствования в необходимом объеме.

В соответствии с предварительными данными за I кв. 2016 г. доходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации сократились на 0,8% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. При этом основное падение пришлось на март: -7,7% к марту прошлого года (рис. 3). Такое падение не является следствием каких-либо негативных тенденций в марте, а объясняется резким ростом поступлений налога на прибыль организаций в марте 2015 г., вызванного, в свою очередь, переносом налоговых платежей с предыдущего месяца. Что касается общего снижения доходов региональных бюджетов в I кв. 2016 г., то основное влияние на него оказали снижение поступлений неналоговых доходов и межбюджетных трансфертов из бюджетов других уровней (98,3% и 95% к I кв. 2015 г. соответственно).

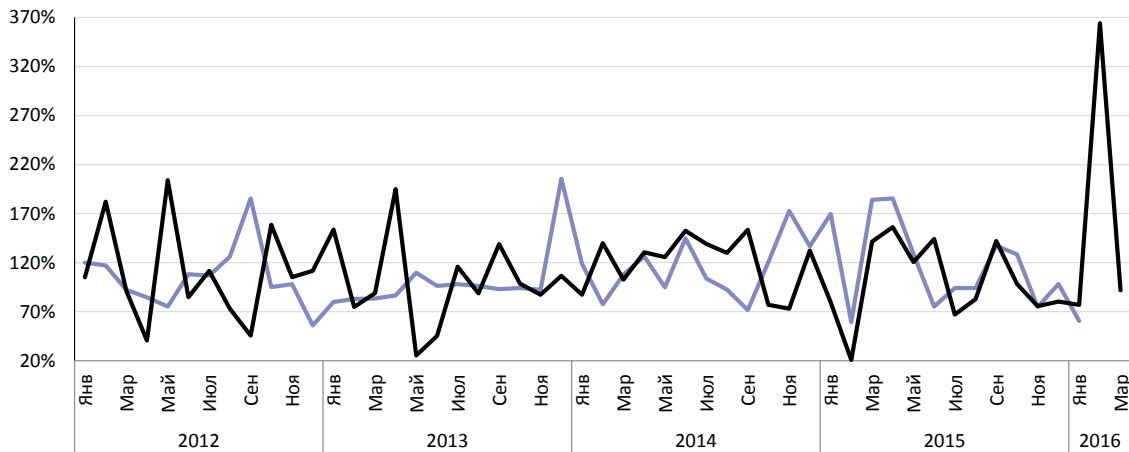
Налог на прибыль организаций, темпы роста которого в 2015 г. несколько превышали темпы роста налоговых и неналоговых доходов (107,4% против 106,2%), за I кв. 2016 г., напротив, пока демонстрирует более низкие темпы (99,7% и 104,2% соответственно), и высокую волатильность (по субъектам Российской Федерации темпы его роста за I кв.



Источник: рассчитано по данным Федерального казначейства.
Рис. 2. Динамика доходов и расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, % ВВП



Источник: рассчитано по данным Федерального казначейства.
Рис. 3. Темпы роста общего объема доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, %



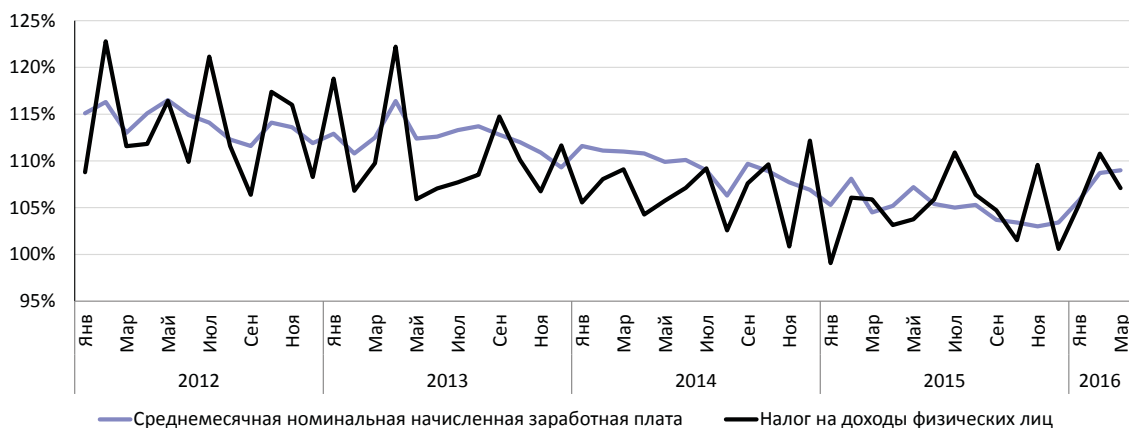
Источник: рассчитано по данным Федерального казначейства и Росстата.

Рис. 4. Темпы роста прибыли прибыльных организаций и поступлений налога на прибыль, %

2016 г. колеблются в интервале от 5,4% в Республике Хакасия до 318,6% в Магаданской области). Волатильность ежемесячной динамики налога на прибыль, как было указано выше, связана с переносом платежей этого налога в феврале 2015 г. (рис. 4).

В динамике поступлений НДФЛ, который является основным доходным источником регионов (27,3% общего объема доходов их бюджетов в 2015 г.), после продолжительного нисходящего тренда наметились положительные изменения. Впервые с ноября 2014 г. темпы роста поступлений этого налога, а также темпы роста среднемесячной номинальной начисленной заработной платы превышали 107% на протяжении двух месяцев подряд, перекрыв уровень инфляции (рис. 5). В итоге за I кв. 2016 г. поступления НДФЛ выросли на 8,1% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. Это дает некоторую надежду на увеличение темпов роста доходов региональных бюджетов в последующих месяцах.

На темпы роста НДФЛ повлияли как три крупнейших региона по сборам этого налога (Москва, Санкт-Петербург и Московская область) – они демонстрировали темпы роста, превышающие среднероссийские, так и



Источник: рассчитано по данным Федерального казначейства и Росстата.

Рис. 5. Темпы роста НДФЛ и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы, %

Крымский федеральный округ, где соответствующие темпы роста составили 155,4%. Картина по другим регионам в целом не столь оптимистична.

Акцизы и налог на имущество организаций в I кв. этого года также продемонстрировали положительную динамику: они выросли соответственно на 6,2% и 10,2%.

В территориальном разрезе ситуация достаточно разнородная. Лишь в 34 субъектах рост доходов консолидированного бюджета в номинальном выражении оказался положительным, из них в 16-ти он превысил текущий уровень годовой инфляции. Хуже всего ситуация с доходами в I кв. 2016 г. обстояла в Южном и Сибирском федеральных округах, лучше чем в других – в Дальневосточном.

Что касается перспектив динамики доходов региональных бюджетов, то здесь можно отметить следующее:

- в условиях снижения уровня инфляции, а также отсутствия девальвационного эффекта в 2016 г. можно ожидать общего снижения прибыльности организаций, что отрицательным образом скажется на поступлениях налога на прибыль, темпы роста которого в целом могут оказаться ниже темпов в 2015 г.;
- наметившийся рост поступлений НДФЛ и его налоговой базы в значительной степени носит точечный характер, поэтому ожидать роста поступлений этого налога темпами, превышающими инфляцию, в большинстве регионов все-таки не следует;
- темпы роста трансфертов из бюджетов других уровней будут несколько выше, чем по итогам I кв. (-5%), но в целом за год останутся отрицательными, как это вытекает из параметров Закона о федеральном бюджете на 2016 год, в соответствии с которым предусмотрено их снижение примерно на 2%.

Таким образом, по итогам года можно ожидать дальнейшего снижения реальных доходов и расходов бюджетов субъектов Российской Федерации. ●

4. РОССИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В I КВАРТАЛЕ 2016 Г.: НАЧАЛО СТАГНАЦИИ?¹

А.Каукин, Г.Идрисов

Производство в большинстве сегментов реального сектора экономики в I кв. 2016 г. демонстрировало невысокие темпы роста, часто близкие к нулевым. Последствий ослабления курса рубля и снижения цен на нефть в конце 2015 г. практически не заметно. Исчерпание благоприятных факторов как со стороны спроса, так и со стороны предложения может быть первым сигналом вступления российской экономики в длительный период нулевых темпов роста.

Для российской экономики 2015 г. стал периодом поиска нижней точки общего спада, являвшегося результатом действия негативных факторов и со стороны спроса, и со стороны предложения – изменения условий торговли, падения реальных доходов, роста неопределенности и рисков, повышения кредитной нагрузки на предприятия, санкций и контрсанкций. В силу разных моделей роста в начале 2015 г. у различных отраслей промышленности наблюдалась разнонаправленная динамика индексов физического объема производства. Часть отраслей смогла воспользоваться рядом благоприятствовавших им факторов, в первую очередь со стороны спроса, и демонстрировала некоторый рост, часть же, в наибольшей степени затронутых шоками, снижала объемы выпуска². К концу года указанная «поляризация» фактически прекратилась, в целом можно было говорить о том, что большей части отраслей «дно» падения было найдено³.

В конце 2015 – начале 2016 гг. экономика столкнулась с новым ухудшением условий торговли, которое, однако, в отличие от изменений 2014 г., не было перманентным. Изменения мировых цен на нефть и соответственно курса рубля на данном этапе, похоже, можно рассматривать в качестве флуктуаций, определяемых нестабильностью конъюнктуры на внешних рынках. Статистика индексов производства за I кв. 2016 г., опубликованная Росстатом 19 апреля⁴, может рассматриваться как свидетельство того, что российские предприятия воспринимают эти изменения в аналогичном ключе.

1 Авторы выражают благодарность Марине Турунцевой и Ольге Моргуновой за помощь в проведении статистического анализа.

2 См., например, Г.Идрисов, А.Каукин, О.Моргунова, М.Турунцева Два полюса российской промышленности // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития, №12 (Сентябрь) 2015 г.; Г.Идрисов, А.Каукин, О.Моргунова, М.Турунцева. Углубление промышленного спада: тренды стали фактом // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития, №9 (Июнь) 2015 г.

3 Г.Идрисов, А.Каукин, О.Моргунова, М.Турунцева. Российская промышленность отталкивается от дна // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития, №15 (Ноябрь) 2015 г.

4 Информация о социально-экономическом положении России, январь-март 2016 г., Росстат.

В Институте Гайдара на основе этих статистических данных была проведена декомпозиция и выделена трендовая составляющая рядов¹ промышленного производства по отдельным секторам. Полученные результаты показывают, что ситуация в промышленности в I кв. 2016 г. была достаточно стабильной, существенного спада, подобного тому, что произошел в конце 2014 – начале 2015 гг., не наблюдается. Более того, можно говорить о некотором росте, хоть и небольшом (около 0,7% в I кв. к уровню декабря 2015 г.).

Рост промышленного производства в первые месяцы 2016 г. был обусловлен в основном подъемом в добывающем сегменте промышленности – здесь ситуация была сравнительно неплохой даже в наиболее сложные периоды 2014–2015 гг.; обрабатывающий сектор, скорее, переживает период стагнации (см. *табл. 1, рис. 1*), при этом внутри обрабатывающего сектора ситуация неоднородная. Такие различия в динамике отдельных отраслей обусловлены разными моделями развития, действующими для каждой из них. В зависимости от специфики той или иной отрасли и устройства соответствующего рынка замедление роста или снижение выпуска могут быть обусловлены набором факторов как со стороны спроса, так и со стороны предложения². Говоря о «проблемах со стороны спроса», экономисты, как правило, предполагают, что произошло снижение реального спроса на товары и услуги со стороны экономических агентов – наиболее очевидными результатами станут безработица, недогрузка производственных мощностей и снижение роста цен. При упоминании «стороны предложения» речь идет об объемах квалифицированного труда, конкурентоспособных производственных мощностях, производительности экономики, доступе к финансовым ресурсам и технологиям, конкуренции и регулировании, административных барьерах на пути бизнеса. Наиболее очевидными следствиями проблем со стороны предложения являются замедление потенциальных/структурных темпов экономического роста³ и рост цен.

Небольшой, но достаточно стабильный рост в добывающем секторе экономики, наблюдавшийся, как было указано выше, в начале 2016 г., обусловлен тем, что влияние негативных факторов для данного сектора не было критическим. Безусловно, основной шок, с которым столкнулась российская экономика в 2014–2015 гг., – это шок со стороны спроса, выразившийся в изменении условий торговли: за то же количество произведенной нефти российская экономика начала получать меньше доходов⁴ (по нашим оценкам – на 180 млрд долл.). Однако в

1 Выделение трендовой составляющей было осуществлено при помощи пакета Demetra с использованием процедуры X12-ARIMA.

2 Hausmann R., Rodrik D., Velasco A. Growth diagnostics // The Washington consensus reconsidered: Towards a new global governance. – 2008. – С. 324-355, Rodrik D. Diagnostics before prescription // The Journal of Economic Perspectives. – 2010. – Т. 24. – № 3. – С. 33-44.

3 См., например, М. Казакова, С. Синельников-Мурылев, С. Дробышевский, М. Алексеев. Декомпозиция темпов роста ВВП России // Серия «Научные труды» № 167. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. 128 с.; М. Казакова, С. Дробышевский. Разложение ВВП: может ли российская экономика расти быстрее // Forbes, 11.12.2014; М. Казакова, С. Синельников-Мурылев, С. Дробышевский. Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999–2014 годах // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 7-37.

4 См. Идрисов Г.И., Пономарев Ю.Ю., Синельников-Мурылев С.Г. Условия торговли и экономическое развитие современной России // Экономическая политика. 2015. № 3. С. 7–37.

результате специфического устройства российских экспортных пошлин и запаздывания изменения контрактных цен относительно биржевых¹ наблюдалось положительное влияние со стороны предложения – за каждую проданную тонну нефти российские нефтяные компании стали получать больше в рублевом исчислении. В результате, даже при новом долларовом уровне спроса (и цен) наращивание производства энергоресурсов было выгодно, и это привело к росту выпуска. Старая «модель роста» в этом секторе все еще работает, что и подтверждается статистикой.

В обрабатывающем секторе уверенный рост демонстрируют только отрасли, производящие продукцию массового спроса (пищевые продукты, одежда и обувь), а также металлургическое производство (обусловливается ростом топливно-энергетического комплекса и производства машин и оборудования)² и производство машин и оборудования (восстановительный рост после очень глубокого спада прошлого года). В этих секторах действовали негативные факторы как стороны предложения (рост кредитной нагрузки на предприятия в следствии ослабления валюты, удорожание импортных промежуточных товаров, снижение конкуренции в результате ответных санкций, рост процентных ставок), так и со стороны спроса (первоначальный ажиотаж на рынках, но затем снижение потребления населения, падение инвестиций в результате роста неопределенности, секвестр бюджета в 2015 г.). Сейчас спад потребительского спроса на отечественную продукцию, по-видимому, остановился и спрос стабилизировался (для легкой промышленности возможно даже некоторое его увеличение по сравнению с докризисным уровнем в связи с ростом цен на иностранную продукцию в рублевом выражении), что создает условия не только для остановки снижения выпуска, но и для роста.

Динамика других отраслей промышленности остается достаточно вялой, не сильно отличимой от нулевых темпов роста, в ряде отраслей продолжается спад (производство прочих неметаллических минеральных продуктов, производство электрооборудования и транспортных средств). Для всех этих подотраслей промышленного производства основными препятствиями являются проблемы со стороны предложения – высокая зависимость от импорта промежуточной продукции и факторов производства, низкий уровень технического обеспечения, высокие процентные ставки кредитования, низкий уровень конкурентоспособности продукции и т.д. Безусловно, проблемы со стороны спроса также есть, однако стимулировать выпуск со стороны спроса получится лишь в краткосрочной перспективе, для решения средне- и долгосрочных проблем этих отраслей нужно в первую очередь заниматься устранением узких мест со стороны предложения.

Аналогичная картина наблюдается и в ряде других важнейших отраслях реального сектора экономики (см. *рис. 1*).

1 Бобылев Ю., Идрисов Г., Каукин А., Расенко О. Нефть, бюджет и налоговый маневр // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития, № 15 (ноябрь 2015), С. 11–14.

2 Идрисов Г., Пономарев Ю., Судаков С. Российская металлургия: ослабления рубля уже недостаточно / Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития, № 18 (декабрь 2015), С. 12–15.

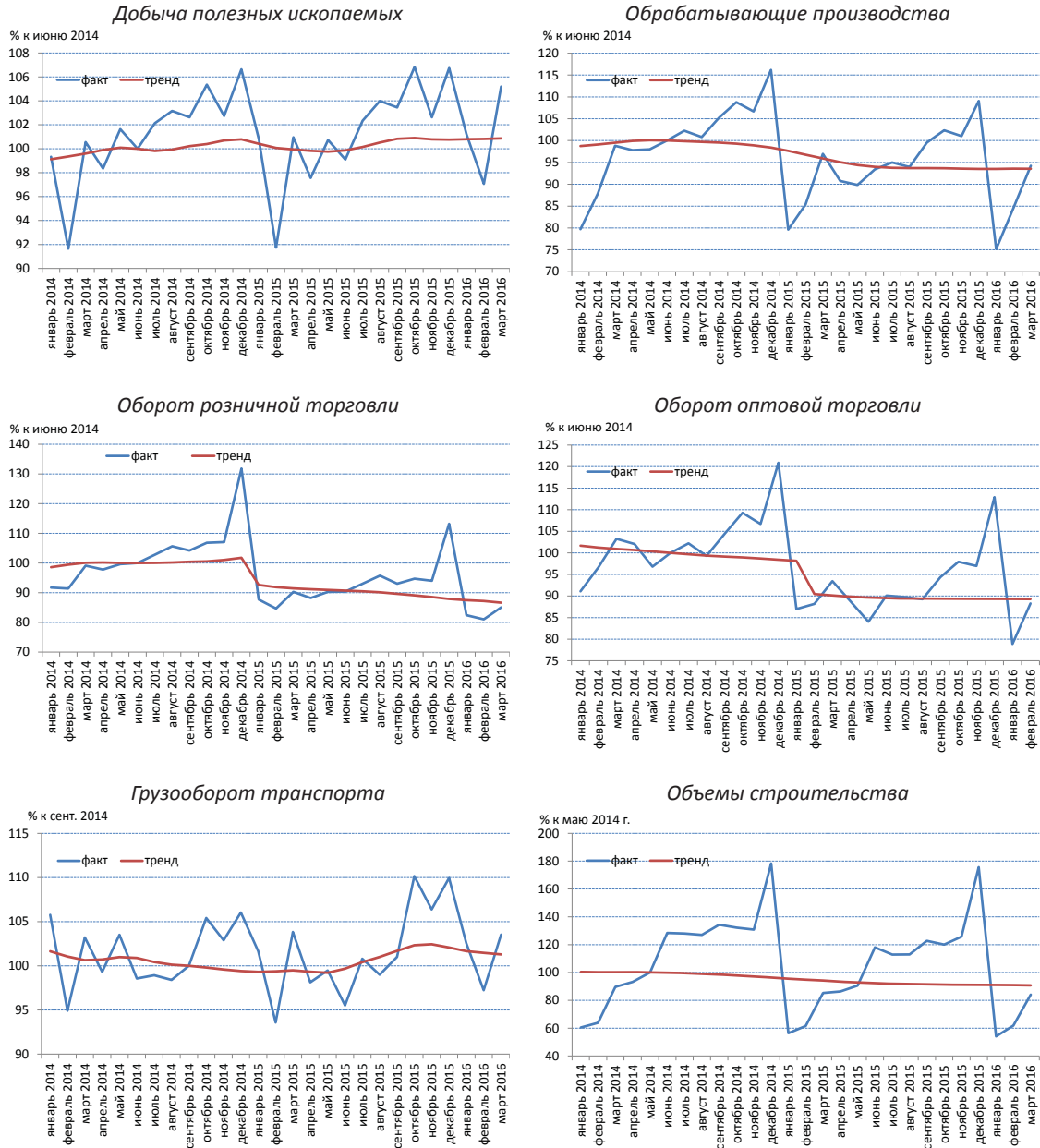
Таблица 1

ИЗМЕНЕНИЕ ИНДЕКСА ВЫПУСКА ПО ОТРАСЛЯМ ЭКОНОМИКИ,
АПРЕЛЬ 2016 Г. К ИЮЛЮ 2014 Г.

	Доля в индексе промышленного производства, %	Март 2016 г. к июлю 2014 г., %	Изменения последних месяцев
Индекс промышленного производства		96,94	медленный рост
Добыча полезных ископаемых	33,99	100,86	медленный рост
Обрабатывающие производства	52,50	93,53	стагнация
в т.ч.:			
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	17,05	103,72	рост
текстильное и швейное производство	1,43	83,69	рост
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	0,32	96,73	рост
обработка древесины и производство изделий из дерева	2,20	97,62	стагнация
целлюлозно-бумажное производство	3,92	95,69	медленный рост
производство кокса, нефтепродуктов	18,78	101,16	медленный рост
химическое производство	7,46	111,10	медленный рост
производство резиновых и пластмассовых изделий	2,26	97,12	стагнация
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	4,41	84,28	спад
металлургическое пр-во и пр-во готовых металлических изделий	17,23	92,60	рост
производство машин и оборудования	6,24	92,43	рост
производство электрооборудования, эл-го и оптического оборудования	6,05	90,18	медленный спад
производство транспортных средств и оборудования	7,06	79,91	спад
прочие производства	5,59	84,96	стагнация
Электроэнергия, газ и вода	13,51	98,66	медленный рост
Розничная торговля		86,66	спад
Оптовая торговля		89,28	стагнация
Транспорт		100,40	медленный спад
Строительство		90,86	медленный спад
Платные услуги населению		97,15	медленный спад

Показатели оборота как оптовой, так и розничной торговли на протяжении длительного времени демонстрируют медленный спад, в случае оптовой торговли, похоже, переходящий в стагнацию. Аналогичную динамику показывают и объемы строительства. Грузооборот транспорта, для которого конец 2015 г. был периодом небольшого восстановительного роста, в последние несколько месяцев также практически не меняется.

Описанный характер динамики трендовых составляющих рядов производства в наиболее важных сегментах реального сектора экономики может являться первым сигналом вступления российской экономики в фазу нулевых темпов роста после исчерпания благоприятных факторов как со стороны спроса, так и со стороны предложения.



Источник: Росстат, расчеты авторов.

Рис. 1. Динамика индексов производства по секторам экономики в 2014–2016 гг., фактические данные и трендовая компонента

5. ПРЕДПРИЯТИЯ СОХРАНЯЮТ ВЫСОКУЮ АДАПТИВНОСТЬ

С.Цухло

Оценка положения дел в российской промышленности и уровня ее адаптации к фактически складывающимся условиям в I кв. 2016 г. показала вполне удовлетворительные значения индекса нормальности, который отражает оценку предприятиями показателей и условий деятельности. Промышленность сохраняет высокий уровень адаптации ко всем шокам последних семи кварталов.

Окончательная оценка индекса нормальности (адаптации) завершившегося квартала (см. рис. 1) улучшена по результатам мартовского опроса за счет положительной корректировки оценок запасов готовой продукции и удовлетворенности спросом по сравнению с предыдущей оценкой, полученной по итогам января-февраля 2016 г. Однако по сравнению с IV кв. 2015 г. зарегистрировано снижение в оценках спроса и мощностей. При этом удовлетворенность спросом продемонстрировала максимальное падение относительно межкризисного максимума (60%) этого показателя в 2011 г. Относительно того же максимума ухудшились оценки обеспеченности мощностями, но за счет роста доли ответов «более чем достаточно», что нельзя в данном случае однозначно оценить как негативный фактор. Другие компоненты сводного индекса немного потеряли относительно своих максимумов, а оценки запасов готовой продукции в I кв. 2016 г. вышли на уровень этого максимума.

Отрасли российской промышленности демонстрируют принципиально разный уровень вхождения в новую реальность 2016 г. (см. рис. 2).

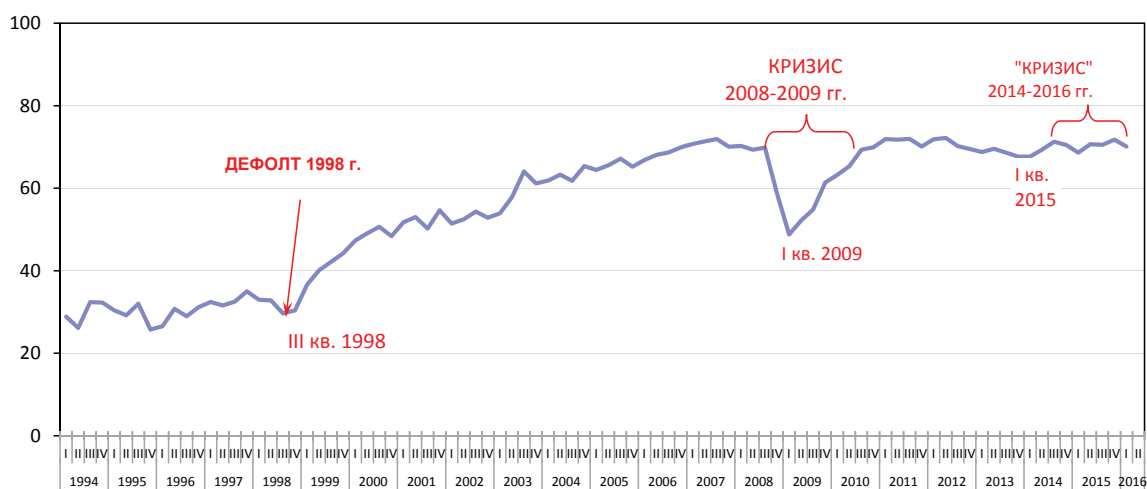


Рис. 1. Индекс адаптации (нормальности) промышленности, 1994–2016 гг., % (доля предприятий, оценивающих свои показатели как «нормальные»)



Рис. 2. Отраслевые индексы адаптации (нормальности), 1994–2016 гг., % (доля предприятий, оценивающих основные показатели как «нормальные»)

Успехи пищевой промышленности

Индекс адаптации пищевой промышленности достиг абсолютно (для 1994–2016 гг.) максимума в 84%, т.е. 84% предприятий отрасли считали нормальными объемы спроса, запасов, мощностей, количество работников и свое финансово-экономическое положение в I кв. 2016 г. Хотя еще в IV кв. 2013 г. этот отраслевой показатель опускался до кризисного (2008–2009 гг.) минимума в 66%. Однако не все так благополучно складывается в этой отрасли в последние кварталы. Удовлетворенность спросом (доля нормальных оценок его объемов) потеряла за два квартала 14 п.п. и опустилась сейчас до 53%. Пищевая промышленность рассчитывала, видимо, на большие объемы продаж отечественной продукции в условиях антисанкций и девальвации рубля, но россияне «затянули пояса» и стали меньше не только зарабатывать в реальном исчислении, но и тратить на продукты питания. При этом отрасль как никогда хорошо обеспечена ресурсами для выпуска отечественного продовольствия. Почти все пищевые предприятия (96%) имеют нормальную обеспеченность сырьем, 91% – кадрами, 87% – мощностями, 85% – запасами готовой продукции. В итоге 90% предприятий отрасли оценивают свое финансово-экономическое положение как хорошее или удовлетворительное.

Проблемы легкой промышленности

На другом полюсе находится сейчас легкая промышленность. К условиям затаявшего кризиса 2014–2016 гг. смогли адаптироваться по итогам I кв. 2016 г. только 49% предприятий, что стало худшим значением с I кв. 2009 г. (т.е. со времен предыдущего кризиса). Тогда отраслевой индекс нормальности падал до 47%. Впрочем, в конце кризисного 1998 г. показатель был гораздо хуже – 28%. А лучшее значение (64%) было получено в 2005 и 2012 гг.

Ухудшение показателей отраслевого индекса легпрома связано прежде всего с недостаточным спросом. В начале 2016 г. его объемы устраивают только 13% предприятий отрасли, хотя еще в середине 2015 г. этот

показатель был в три раза выше, а межкризисный пик (2010 г.) был выше в четыре раза. Худшие значения удовлетворенности спросом были зарегистрированы только в 1998 и 1996 гг. Отрасль определенно не получила сейчас от девальвации ожидавшихся преимуществ. Что, видимо, связано с поведением потребителя.

При этом другие оценки предприятий легпрома не претерпели таких критических изменений, хотя и далеки от значений лучших времен. Только 51% предприятий отрасли оценивают свои запасы сырья и материалов как нормальные – не все удастся закупать по приемлемым ценам при падающем спросе на продукцию. Но выросла доля оценок запасов сырья как избыточных, что объясняется уже признанием избыточности фактических закупок сырья. Запасы готовой продукции считаются нормальными только 57% предприятий при существенном преобладании оценок «выше нормы» над оценками «ниже нормы» – еще одно подтверждение проблем со сбытом. Достаточными мощностями обеспечены 55% предприятий при 36%-ном уровне их избытка. Оценки мощностей переживают с середины 2014 г. существенные колебания (доля нормальных оценок изменялась в этот период от 42 до 72%), что свидетельствует о неуверенности предприятий в оценках перспектив даже ближайшего будущего отрасли. Лучше всего легпром обеспечен сейчас кадрами – 62% нормальных оценок в I кв. 2016 г.

Уверенность машиностроения

Индекс адаптации в машиностроении демонстрирует стабильность после провала I кв. 2015 г., когда отрасль поддалась панике и ухудшила оценки тогдашней ситуации в ожидании полноценного кризиса образца 2008–2009 гг. Однако реальность оказалась совсем иной и уже со II кв. 2015 г. машиностроение подвергло свои оценки положительной корректировке и до сих пор сохраняет 70%-ный уровень адаптации к условиям новой реальности.

Хотя объемы спроса оцениваются машиностроительными предприятиями практически всегда хуже других показателей на протяжении нашего многолетнего мониторинга, его текущие оценки (I кв. 2016 г.) не претерпели резко кризисных изменений по сравнению с предыдущими годами.

А оценки запасов готовой продукции, достигшие в 2015–2016 гг. исторических максимумов нормальности, показывают, что отрасль успешно справляется с главными шоками последних лет и в абсолютном большинстве готова к предстоящим неожиданностям текущего кризиса – доля предприятий с недостаточными запасами готовой продукции в начале 2016 г. находится почти на историческом минимуме. Меньшее значение этого показателя было получено только в 1992 г., но сравнивать 2016 и 1992 гг. вряд ли корректно.

Запасы сырья и материалов тоже находятся на исторических максимумах нормальности и подтверждают готовность отрасли к предстоящим победам над кризисом.

Отрасль сейчас хорошо обеспечена производственными мощностями и работниками – и это «в связи с ожидаемыми изменениями спроса». В этой же связи 20% предприятий отрасли имеют даже избыток мощностей. Однако 10% машиностроительных заводов все же считают свои производственные мощности недостаточными для удовлетво-

ния ожидаемого ими изменения спроса на свою продукцию. Но отраслевой баланс (20–10%) по-прежнему остается положительным – т.е. в отрасли все же имеется избыток производственных мощностей. И такая ситуация регистрируется в российском машиностроении уже восьмой год подряд – с 2009 г.

Кадрами российское машиностроение обеспечено хуже. Хотя доля нормальных оценок имеющегося количества работников (опять же «в связи с ожидаемыми изменениями спроса») выше (т.е. лучше оценок мощностей) и только на один пункт уступает историческому максимуму 21-летнего мониторинга, среди остальной части предприятий машиностроения ответы «недостаточно» преобладают над ответами «более чем достаточно». Иными словами, отрасль в начале 2016 г. испытывает дефицит работников. Избыток кадров в последние годы был зафиксирован в машиностроении только в 2009 и 2010 гг. Все последующие годы отрасль работала в условиях дефицита работников, включая 2015 г.

Уверенное положение отрасли позволило 87% предприятий оценить свое финансово-экономическое положение как нормальное. Этот результат начала 2016 г. стал повторением ситуации 2007 г. ●

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Божечкова А., заведующая лабораторией денежно-кредитной политики ИЭП им. Е.Т. Гайдара

Горюнов Е., научный сотрудник международной лаборатории изучения бюджетной устойчивости ИЭП им. Е.Т. Гайдара

Дерюгин А., директор Центра исследований региональных реформ, руководитель лаборатории исследований бюджетной политики ИПЭИ РАНХиГС

Идрисов Г., руководитель Научного направления «Реальный сектор» ИЭП им. Е.Т. Гайдара

Каукин А., заведующий лабораторией отраслевых рынков и инфраструктуры ИЭП им. Е.Т. Гайдара

Трунин П., ведущий научный сотрудник Центра изучения проблем центральных банков ИПЭИ РАНХиГС

Хромов М., заведующий лабораторией финансовых исследований ИЭП им. Е.Т. Гайдара

Цухло С., заведующий лабораторией конъюнктурных опросов ИЭП им. Е.Т. Гайдара